

Шекспир. Том III

**Полное собрание сочинений в пяти томах
(Антикварное издание 1902 г.)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ш41

Ш41 Шекспир. Том III: Полное собрание сочинений в пяти томах (Антикварное издание 1902 г.) / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 640 с.

ISBN 978-5-458-24177-9

Собрание сочинений Шекспира под редакцией С.А.Венгерова, с рисунками в тексте и многочисленными картинами на отдельных листах, выпущено в 1902-1904 гг. Брокгаузом и Ефроном. Пятитомник является полным собранием всего того, что связано с именем Шекспира, т. е. не только того, что ему бесспорно принадлежит, но и того, что ему с некоторой долей вероятности только приписывается. Каждая пьеса снабжена обстоятельнейшими историко-критическими предисловиями и историко-литературными примечаниями. Но главное, что привлекает в издании - это прекрасные и многочисленные рисунки в тексте и на отдельных листах. Дополнительный интерес собранию сочинений придаёт также то обстоятельство, что большинство переводов не знакомо современному читателю.

ISBN 978-5-458-24177-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

болѣе принять. Гамелинъ принужденъ ворваться силой и, напугавши людей брата своей супротивной расправой съ привратникомъ, своеевольно, захватомъ, какъ у побѣженного врага, расточить погреба на угощеніе своихъ гостей. Это третій его подвигъ. Но онъ обойдется, уже недешево. Хитростью старшему брату удается связать Гамелина и приковать въ залѣ замка къ столбу. Если бы не забота о немъ старого Адама, ключника, преданного Гамелину совершенно такъ же, какъ онъ былъ преданъ и его отцу, молодому витязю пришлось бы умереть съ голodomъ. Адамъ даже тайно расксовываетъ цѣпи Гамелина и только просить его сдѣлать видъ, что онъ еще прикованъ, пока не прибудутъ въ замокъ на пиръ аббатъ и прочіе монахи монастыря; они разсудятъ его съ братомъ и, разумѣется, заступятся за невинно-гонимаго. Предположеніемъ ключника не было, однако, суждено, осуществиться: аббатъ, келарь и другіе монахи слушаютъ навѣты старшаго брата и только подсмѣиваются надъ Гамелиномъ. Тогда наступаетъ ему время уже въ четвертый разъ показать свою удачу и отомстить лукавымъ монахамъ. Но тутъ онъ вступаетъ уже въ борьбу со всѣмъ испорченнымъ и своеокрыстнымъ обществомъ. На сторонѣ брата теперь оказывается уже и шерифъ, съ цѣльмъ войскомъ пришедшей схватить Гамелина въ наказаніе за избѣженіе монаховъ. Гамелину остается тогда лишь одно: уйти въ лѣсъ и зажить, какъ живутъ подобные ему смѣльчаки, пострадавшіе отъ несправедливости законныхъ властей.

Рассказъ о Гамелинѣ заканчивается не раскаяніемъ старшаго брата, какъ въ комедіи Шекспира, и вовсе не великодушіемъ по отношенію къ нему младшаго. Напротивъ, Гамелинъ своимъ удальствомъ одерживаетъ въ концѣ концовъ полную побѣду надъ всѣми притѣснителями и мстить имъ безъ пощады и снискожденія. Пока онъ жилъ въ лѣсу среди изгнанниковъ и былъ избранъ ихъ королемъ, его братъ сталъ шерифомъ и воспользовался своей властью, чтобы объявить Гамелина вѣнчакомъ; узнавъ объ этой новой и вящшей несправедливости, Гамелинъ рѣшилъ опять оказать сопротивленіе, но тутъ сила и отвага не могли болѣе помочь; теперь онъ посаженъ въ тюрьму властями. Спасеніе на этотъ разъ приходитъ отъ другого брата; онъ взялъ Гамелина на поруки до верховнаго суда, когда рѣшился его участъ. Гамелинъ пользуется этимъ, чтобы вновь уйти въ лѣсъ. Онъ приходитъ

на судьбище однако во-время, потому что поручившійся за него братъ долженъ погибнуть въ случаѣ его неявки, но онъ приводить съ собою своихъ лѣсныхъ удальцевъ и производить жестокій самосудъ надъ братомъ, шерифомъ и самимъ верховнымъ судьей. Это преступленіе уже осталось безнаказаннымъ. Зло было вырвано съ корнемъ. Король, къ которому послѣ своей своевольной расправы явился Гамелинъ, любилъ его второго брата. Онъ оцѣнилъ и прямоту самаго Гамелина и даже назначилъ его верховнымъ судьей.

Отъ разсказа о Гамелинѣ вѣтъ задорнымъ духомъ временъ Уатта Тайлора. Гамелинъ напоминаетъ Робинъ Гуда своимъ стремлѣніемъ установить подъ зеленої кровлей свободнаго лѣса свою собственную справедливость, недопускающую угнетенія слабыхъ и судейскаго лицепріятства.

Въ основу „Какъ вамъ это понравится“ легла Лоджевская передѣлка „Гамелина“: „Розалинда или золотое наслѣдіе Юфуэса“, гдѣ вся вторая половина разсказа съ момента бѣгства Гамелина совершенно измѣнена и иначе задумана. Шекспиръ придалъ драматическую форму повѣсти Лоджа, очень мало измѣнивъ ее и слѣдя почти шагъ за шагомъ за ея текстомъ. Даже самое название комедіи Шекспира заимствовано изъ одной фразы посвященія „Розалинды“ лорду Гундсону и господамъ читателямъ.

„Розалинда“ Лоджа написана, какъ это показываетъ и самое заглавіе, въ духѣ такъ называемаго юфуизма. Лоджъ ученикъ Лилли. Онъ не заботится о правдоподобіи, объ исторической правдѣ, о географіи; онъ уснащаетъ свой стиль антitezами, сравненіями, цитатами изъ классиковъ и французскихъ поэтовъ; и это даже тогда, когда онъ изображаетъ разговоры пастуховъ. Но дѣло не только въ манерѣ изложенія; Лоджъ забочился не объ однихъ витеватыхъ отступленіяхъ, поэтическихъ прикрасахъ и отборности выражений. Какъ отзываются Жюссеранъ о Лилли, Лоджъ также „водить насъ по всевозможнымъ цвѣтующимъ дорожкамъ, но какъ бы ни была причудлива вѣнчальная форма его повѣсти, онъ неизбѣжно и безъ всякой оговорки ведеть насъ къ проповѣди“. Сообразно этимъ особымъ приемамъ творчества, мятежный духъ удальства и отпора съ оружіемъ въ рукахъ общественной неруядицѣ исчезъ изъ разсказа о Гамелинѣ. Средневѣковую точку зрѣнія замѣнили изнѣженная артистичность и ученый педантізмъ Возрожденія. Лѣсъ, куда бѣжитъ мо-

лодой скиталецъ, уже не притонъ лихихъ изгнанниковъ. Это условный романтическій Арденскій лѣсъ, гдѣ рядомъ съ ужасными львами пасутъ свои мірныя стада слащавые пастушки. Они устраиваютъ между собою поэтическія состязанія, какъ въ эклогахъ Вирgilія, изливаютъ въ сонетахъ свою пламенную любовь къ пастушкамъ, вырѣзываютъ на деревьяхъ любовные стихи. Повѣсть Лоджа должна была тѣшить чисто женскій вкусъ.. Героемъ оказался уже не суровый борецъ засвои права. Героиня—Розалинда, дочь также изгнанного узурпаторомъ изъ своихъ владѣній герцога. Лоджъ называетъ его Торисмондомъ. Розадеръ, какъ зовется здѣсь Гамелинъ-Орландо, лишь достойный ея возлюбленный. Его подвиги ведутъ прежде всего къ тому, чтобы воспламенить сердце Розалинды. Въ кокетливой игрѣ съ этой дѣвушкой, столь же остроумной и живой, какъ и у Шекспира, и также одѣтой пажемъ, проходитъ все время его изгнаничества. Нравственно-наставительное направленіе сказывается здѣсь въ томъ, что вражду и ненависть старшаго брата побѣждаетъ великолѣшіе младшаго. Да и до этой странной сцены со львомъ Саладинъ, Оливеръ повѣсти Лоджа, въ вычурномъ монологѣ склоняется уже къ раскаянію за свою жестокость и своекорыстіе. Къ тому же власти вовсе не на его сторонѣ. Узурпаторъ, Торисмондъ, соотвѣтствующій Фридриху Шекспира, пользуетсяя стоялкновеніемъ двухъ братьевъ, чтобы объявить вѣкъ закона Саладина. Общественная струя поэмы „Гамелинъ“ такимъ образомъ исчезла. Ее замѣнило примѣряющее съ жизнью и проникнутое вѣрой въ добро настроеніе. Лоджу принадлежитъ введеніе въ разсказъ сценъ дружбы и любви рядомъ со сценами борьбы и насилия, такъ причудливо переплетающихся въ „Какъ вамъ это понравится“.

Столь важный для хронологіи шекспировскихъ пьесъ трактатъ Миреса „Palladis Tamia“ (1598) не упоминаетъ этой комедіи. Въ каталогахъ книгопродавцевъ она названа подъ 4-мъ августа 1600 г. Въ этомъ году всего вѣроятнѣе она и возникла.

Шекспиръ сохранилъ морализирующій тонъ Лоджа. Онъ также смотритъ на несправедливость и насилие, какъ на нѣчто случайное и вполнѣ поправимое. Зло не присуще человѣческой природѣ. Впечатлѣніе отъ дружбы Целіи и Розалинды, отъ преданности Адама, отъ благородства Орланда и раскаянія Оливера усиливается еще прекраснодушіемъ изгнанного герцога, до-

ходящаго до заявленія, что „сладостны послѣдствія несчастій“. И если въ повѣсти Лоджа собравшіяся въ Арденскомъ лѣсу жертвы насилия Торисмонда-Фридриха идутъ на него съ мечами въ рукахъ, и читатель, закрываетъ книгу увѣренный въ неизбѣжности его гибели, у Шекспира Фридрихъ родной братъ герцога и онъ самъ отказывается отъ власти подъ вліяніемъ бесѣды съ какимъ-то старцемъ.

Однако и усиливая еще болѣе свѣтлый взглядъ на жизнь, Шекспиръ оттѣнилъ и понять насырненно глубже Лоджа самыя несправедливости и насилия. Вниманіе не скользить по нимъ въ „Какъ вамъ это понравится“ такъ легко, какъ въ „Розалиндѣ“. Настроеніе самого герцога, восхваляющаго жизнь, далекую отъ придворнаго блеска и почестей, хорошо понялъ Амъенъ, когда онъ говоритъ ему:

Жестокіе удары

Своей судьбы вы на такой спокойный
И сладостный языкъ способны быстро
Переводить.

Удары судьбы такимъ образомъ все-таки чувствуются. Прекраснодушіе герцога сплетено съ грустной ироніей надъ своимъ положеніемъ. Введеній въ разсказъ Шекспиромъ добрый щутъ Точстонъ (Оселокъ) на своеемъ шутовскомъ языке говоритъ въ сущности то же, что и герцогъ, когда онъ отвѣчаетъ на вопросъ пастуха Корина, какъ ему нравится сельская жизнь: „Какъ жизнь воздержанная, она, видите ли, вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ, но какъ жизнь лишенная изобилія, она совершенно противорѣчитъ моему желудку“. Къ словамъ шута не надо относиться съ пренебреженіемъ. Въ нихъ то и выражается горькая правда. Философъ Жакъ, также введеній въ дѣйствіе уже самимъ Шекспиромъ, не даромъ послѣ знакомства съ этимъ Точстономъ приходить къ заключенію, что только въ пестрой курткѣ шута можно высказать людямъ всю истину. Жакъ, о которомъ сложилось мнѣніе „сѣвшее глубоко“, что онъ уменъ, оттого такъ тянетъ дурачиться. И эта затѣя его осуществится. Пройдя черезъ притворное безуміе Гамлета, она поведетъ къ созданію всеобщаго любимца—преданного злосчастному Лири шута-моралиста.

Самъ Арденскій лѣсъ вовсе не изображенъ въ „Какъ вамъ это понравится“ тѣмъ благодатнымъ затишьемъ пастушеской жизни, въ которомъ развивается нравственно-

наставительный замыселъ повѣсти Лоджа. Шекспиръ не видѣтъ въ немъ обители для размышеній; непосредственная мудрость не изгоняетъ здѣсь всецѣло изъ сердца человѣка все злое и порочное, что вкрадывается въ него среди соблазновъ и заблужденій свѣта. Когда Жакъ задумывается надъ невинными слезами раненаго оленя, онъ ясно видитъ, что охота, это единственное утѣшеніе лѣсныхъ скитальцевъ, есть тоже несправедливость, тоже вопиющее насилие. Нужды нѣть что любимымъ героямъ Шекспира, Орландо и Розалиндѣ, убаюканнымъ на живописномъ лонѣ лѣса своимъ счастьемъ, такъ чужда и почти ненавистна меланхолія Жака. Она, конечно, не можетъ скиться съ звуками нѣжности и примиренія, раздавшимися въ ихъ душѣ. Болѣе внимательно слушающій безнадежную философію Жака зритель невольно остановится мыслю надъ возможностью и менѣе благопріятнаго исхода горестей и невзгодъ. Ведя все дѣйствіе къ благопріятному исходу, Шекспиръ не хотѣлъ замолчать зло жизни. Не далѣе какъ черезъ годъ, когда изъ подъ его пера начнетъ выходить цѣлый сонмъ трагическихъ фигуръ, тяготѣющее надъ міромъ зло заполнитъ его воображеніе.

Въ отношеніи къ вереницѣ тѣхъ несправедливостей, которая загнали дѣйствующихъ лицъ „Какъ вамъ это понравится“ въ лѣсныя лѣбди, эта комедія стоитъ такимъ образомъ гораздо ближе къ старинной поэмѣ о Гамелинѣ, чѣмъ къ юфутической повѣсти Лоджа. Но зналъ ли Шекспиръ эту поэму? Одна небольшая подробность его комедіи совпадаетъ съ соотвѣтственной сценой „Гамелина“. Отецъ сраженныхъ въ единоборствѣ силачъ Карломъ молодцевъ у Лоджа предается стоическимъ размышеніямъ и не выказываетъ ни малѣйшаго огорченія по поводу гибели своихъ сыновей. У Шекспира, напротивъ, какъ и въ поэмѣ „Гамелинѣ“, онъ горько жалуется на постигшее его горе. Тутъ, конечно, можетъ быть и совпаденіе. Шекспиръ можетъ отступить здѣсь отъ текста Лоджа ради простого правдоподобія. Однако, если извѣстный шекспирологъ Хельзъ показалъ такъ убѣдительно, что великий драматургъ читаль Чосера, то трудно предположить, чтобы ему осталась незнакома поэма о „Гамелинѣ“: она входила въ Кентерберійскіе разсказы и считалась созданиемъ ихъ творца.

Воспользоваться такими эпизодами по-

эмъ о Гамелинѣ, которыхъ нѣть у Лоджа, Шекспиру во всякомъ случаѣ не представлялось никакой возможности. Комедія не могла вмѣстить даже всѣхъ тѣхъ эпизодовъ, которые вошли въ „Розалинду“ Лоджа. Къ періоду полной зрѣлости его таланта, какъ драматурга, Шекспиру все болѣе удается достигнуть единства дѣйствія. И это даже несмотря на то, что оно подчасъ становится еще разнообразнѣе, еще осложненнѣе. Дѣйствіе все болѣе сосредоточивается на катастрофѣ. Въ перипетіяхъ Гамелина—Розадера—Орланда катастрофу составляетъ гибель старшаго брата въ поэмѣ и раскаяніе его у Ложда и Шекспира. Сообразно этому въ „Какъ вамъ это понравится“ самая борьба Орланда и Оливера изображена лишь на скоро въ первомъ дѣйствіи. Шекспиръ могъ отмѣтить только самые главные ея моменты. Такъ онъ совершенно выпустилъ находящіяся и у Лоджа сцены угощенія младшимъ братомъ цѣнителя его удальства, а старшимъ братомъ аббата монастыря. Надо было какъ можно скорѣе перенести дѣйствіе въ Арденскій лѣсъ. Но и тутъ событий было слишкомъ много и ихъ нельзѧ было всѣ сохранить цѣликомъ. У Лоджа напримѣръ Оливеръ вмѣстѣ съ братомъ спасаетъ Алинду—Целію отъ разбойниковъ, хотѣвшихъ схватить ее и отвести къ отцу въ надеждѣ на вознагражденіе. Въ „Какъ вамъ это понравится“ эпизодъ этотъ пропущенъ.

Путемъ подобныхъ сокращеній, сложное и запутанное содержаніе комедіи Шекспиръ расположилъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени. Определить его мало-мальски точно, разумѣется, нѣтъ возможности. Совершенно очевидно однако, что первое дѣйствіе обнимаетъ событія трехъ, четырехъ дней. Силачъ Карлъ приходитъ къ Оливеру въ то самое время, когда у него происходитъссора съ братомъ. Единоборство произойдетъ, по его словамъ, на слѣдующій день. Между первымъ явленіемъ первого акта и вторымъ явленіемъ, когда изображается побѣда Орланда, проходить такимъ образомъ ночь. Объявленіе Фридрихомъ Розалиндѣ приговора объ ея изгнаніи и рѣшеніе двоюродныхъ сестеръ бѣжать вмѣстѣ могло имѣть мѣсто либо тотчасъ послѣ единоборства, либо нѣсколькими днями позже. Труднѣе определить время дѣйствія второго акта. Наступаетъ онъ несомнѣнно не сразу послѣ первого. Розалинда и Целія успѣли уже пробраться

до Арденского лѣса, а путь ихъ, судя по ихъ усталости, былъ долгъ. Между третьимъ явленіемъ того же акта и шестымъ и седьмымъ явленіями столько же времени приблизительно нужно и Орландо, чтобы прибыть вмѣстѣ съ Адамомъ въ тотъ же лѣсъ. Но съ этого момента, т. е. съ первого явленія третьяго акта, развитіе дѣйствія начинаетъ уже ускоряться. Счастливая развязка близится уже безъ малѣйшей преволочки. Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями вѣроятно опять прошло нѣсколько дней, пока Орландо успѣлъ столько разъ вырѣзать на деревьяхъ имя Розалинда и излить свою любовную тоску въ столькихъ стихахъ; нѣсколько дней понадобилось и Точстону, чтобы составить себѣ ясное представление о жизни въ лѣсу; но события самаго третьяго акта занимаютъ лишь одинъ день. Уже утромъ слѣдующаго дня начинается четвертый актъ. Въ первой же встрѣчѣ съ Орландо въ четвертомъ явленіи третьяго дѣйствія, Розалинда назначаетъ ему прійти на слѣдующій день. До разговора ихъ въ четвертомъ актѣ прошла столько быть одна только ночь. На этотъ разъ свиданіе назначается уже черезъ часъ. Тутъ Орландо спасаетъ брата отъ львицы, и Оливеръ приносить, можетъ быть, только съ нѣсколькими часами опозданія его окровавленный платокъ Розалиндѣ, чтобы объяснить, почему Орландо не явился въ установленное время. Пятый актъ изображаетъ события слѣдующихъ двухъ дней.

При такой стремительности дѣйствія о его большомъ правдоподобіи нечего было и думать. Шекспиръ о немъ и не задумывался. Только пастухи у него немного менѣе литературны, чѣмъ у Лоджа; они не поютъ эклогъ и не морализируютъ на тему о прелестяхъ жизни далекой отъ свѣтской сути. Влюбленный Фебэ не сочиняетъ также стиховъ по французски, лишь сама Фебэ оказывается не только грамотной, но и одаренной поэтическимъ талантомъ. Все остальное такъ же невѣроятно и неожиданно, какъ и у Лоджа. Но вниманіе и не успѣваетъ анализировать события. Самы дѣйствующія лица, очерченные такъ метко и живо, заслоняютъ собою сюжетъ. Заслоняетъ его и широко задуманная философская сторона пьесы. Дѣло не въ сюжетѣ. Молодцоватый, прямой и честный Орландо, прекраснодушный герцогъ, меланхоликъ Жакъ, преданный и вдумчивый Точстонъ

и наконецъ сами Целія и Розалинда, они всѣ глубоко правдивы и вовсе не условны.

Менѣе очерченными остались Оливеръ и узурпаторъ Фридрихъ. Ихъ раскаяніе слишкомъ поспѣшно и мало обосновано. Если справедливо предположеніе Ольдисъ Райта, что комедія „Какъ вамъ это понравится“ написана на скорую руку, то иначе и быть не могло. Позднѣе Шекспиръ однако еще разъ задумается надъ психологіей раскаянія. Когда герцогъ, скрывающійся отъ преслѣдований брата-узурпатора, станетъ кудесникомъ Просперо въ „Бурѣ“, исправленіе заблужденій человѣческой природы путемъ великолѣпія будетъ изображено Шекспиромъ уже не въ двухъ-трехъ словахъ. Оно окажется въ самомъ центрѣ драматического замысла. Тогда и честный приближенный Фридриха ле-Бо, предупреждающій Орланда о грозящей ему при дворѣ опасности, станетъ ученикомъ Монтеня—Гонзalo.

Розалинда и Целія заставляютъ вспомнить о Беатриче и Геро въ „Много шума изъ нечего“. Но развитіе ихъ характеровъ слегка сгладилось. Геро, превратившись въ Целію, раньше чѣмъ стать Офеліей, Дездемоной и Имогеной, позаимствовала не мало задора у своей подруги. Въ ней оказалось гораздо больше жизненной энергіи и остроумія, чѣмъ раньше. Съ другой стороны и Розалинда въ этой комедіи далеко не та странная и сильная душою девушка, какую мы видѣли въ Беатриче. Превратившись вновь въ Розалинду, какъ она называлась и въ „Безплодныхъ усилияхъ любви“, она стала податливѣ и мягче. Конечно и прежде она могла бы воскликнуть словами Марло изъ „Геро и Леандра“, которая приводить Фебэ:

Къ кому любовь не приходила сразу!

но она раньше не поддавалась охватившему ее чувству; она боролась съ нимъ и обманывала самое себя. Розалинда теперь стала непосредственнѣе. Узнавъ, что Орландо здѣсь въ лѣсу, что онъ любить ее и вырѣзываетъ на деревьяхъ ея имя, она въ отчаяніи, что ей вздумалось разыграть роль мужчины. Если она не открывается сразу Орландо, дразнитъ его, играетъ его любовью къ ней, то наединѣ съ Целіей она признается съ полной искренностью въ своемъ чувствѣ.

Евг. Аничковъ.

ФРАНЦУЗСКИЕ РЫЦАРИ И ГЕРЦОГИ XIV—XV ВѢКОВЪ.

(Портреты въ Версальской Исторической галерее: а) слева—Баяра, † 1524; кисти известного Фрагонара, Fragonard, 1780—1850; б) посрединѣ—маршала Бурико, † 1421, кисти известного художника Пико, F. E. Picot, 1786—1863; в) справа—маршала Бовара † 1453, кисти Анри Шеффера—1798—1862).

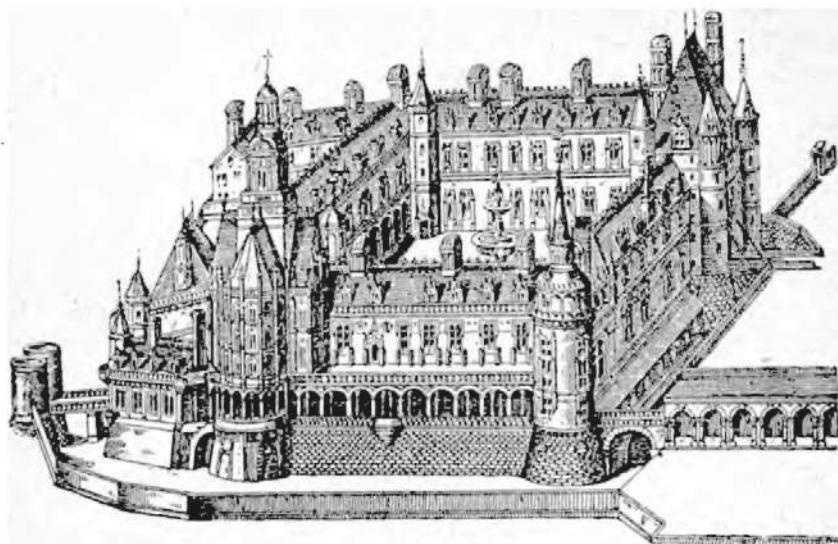
Дѣйствующія лица:

ГЕРЦОГЪ, живущій въ изгнаніи.	Денисъ, служитель Оливера.
Фридрихъ, его братъ, завладѣвшій его государстомъ.	Оселокъ, (Точстонъ) шутъ.
Амѣнъ } вельможи, послѣдовавшіе за изгнаннымъ	Оливеръ Мартекстъ, (Путаница), священникъ.
Жакъ } герцогомъ.	Коринъ }
Ле-Бо, приближенный Фридриха.	Сильвій }
Карль, борецъ Фридриха.	пастухъ.
Оливеръ	Вилльямъ, поселянинъ, влюбленный въ Одри.
Жакъ } сыновья Роланда де-Буа.	Гименей.
Орландо }	Розалинда, дочь изгнанного герцога.
Адамъ, служитель Оливера	Целія, дочь Фридриха.
	Феба, пастушка.
	Одри, поселянка.

Свита обоихъ герцоговъ; пажи, охотники и др.

Дѣйствие происходитъ сначала вблизи дома Оливера, потомъ—частью при дворѣ Фридриха, частью въ Арденскомъ лѣсу.

ФРАНЦУЗСКІЙ ЗАМОКЪ XIV—XV ВѢКОВЪ.

(Старинный рисунокъ, воспроизведенный въ «Allgemeine Kunstgeschichte» Куна).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Небольшой садъ подъ дома Оливера.

Входятъ Орландо и Адамъ.

Орландо. Сколько мнѣ помнится, Адамъ, дѣло это произошло такъ: по завѣщанію онъ отказалъ мнѣ всего какую-нибудь несчастную тысячу кронъ и, какъ ты говоришь, передъ смертью заклиналъ моего брата, своимъ благословеніемъ, дать мнѣ хорошее воспитаніе. Тутъ-то и начались мои страданья. Брата моего Жака онъ посыпаетъ въ школу, и молва разносить о его успѣхахъ золотые слухи. Меня же онъ воспитываетъ по мужицки дома, или, говоря точнѣе, держитъ дома и не даетъ никакого воспитанія. Дѣйствительно, можно ли назвать воспитаніемъ для человѣка моего рода обстановку, которая ничѣмъ не разнится отъ обстановки бычачьяго стойла? Да онъ лучше воспитываетъ своихъ лошадей: не говоря уже о томъ, что имъ дается отличная пища, ихъ еще обучаютъ ѳздѣ, и для этого нанимаются конюхи, получающіе большое жалованье. А если я, его братъ, и пріобрѣтаю что-нибудь подъ его опекой, такъ развѣ ростъ; въ этомъ отношеніи,

скотина, гуляющая на его навозныхъ кучахъ, обязана ему столько же, сколько и я. Сверхъ этого ничтожества, которымъ онъ такъ щедро награждаетъ меня, ему, повидимому, хочется своимъ обращеніемъ со мною лишить меня тѣхъ немногихъ даровъ, которыми надѣлила меня природа: онъ заставляетъ меня ѿстѣсть съ лакеями, не позволяя занять мѣсто брата и, на сколько это ему возможно, мало по малу разрушаетъ мое дворянское достоинство даваемымъ мнѣ воспитаніемъ. Это-то и огорчаетъ меня, Адамъ, и духъ моего отца, который, какъ мнѣ кажется, живетъ во мнѣ, начинаетъ возмущаться противъ этого рабства. Я не хочу больше сносить его, хотя покамѣстъ не знаю что придумать, чтобы выйти изъ этого положенія.

Входитъ Оливеръ.

Адамъ. Вотъ мой господинъ и вашъ братъ.

Орландо. Отойди въ сторону, Адамъ, и ты услышишь, какъ онъ напустится на меня.

Оливеръ. Ты здѣсь что дѣлаешь?

Орландо. Ничего. Я ничего не умѣю дѣлать; не научили.

Г' Оливеръ. Такъ ты что-нибудь портишь здѣсь?

Орландо. Да, я помогаю вамъ портить празднотью то, что сотворилъ Богъ—вашего бѣднаго и недостойнаго брата.

Оливеръ. Работайте-ка получше—и чортъ съ вами!

Орландо. Неужели я долженъ пасти вашихъ свиней и ъсть съ ними жолуди? Вѣдь я не расточилъ никакого наслѣдства блудного сына, чтобы быть обязаннѣмъ жить въ такой нищетѣ.

Оливеръ. Вы не знаете, вѣрно, гдѣ вы?

Орландо. О, очень хорошо знаю! здѣсь, въ вашемъ саду.

Оливеръ. Знаешь ли ты, передъ кѣмъ стоишь?

Орландо. Да, знаю лучше, чѣмъ тотъ, передъ которымъ я стою, знаетъ меня. Я знаю, что вы мой старшій братъ, и вамъ бы слѣдовало точно также знать меня, если бы вы не забыли благороднаго закона родства. Услужливый обычай народовъ даетъ вамъ предпочтеніе передо мною, потому что вы перворожденный; но этотъ же самый обычай не отымаетъ у меня моей крови, хотя бы даже двадцать братьевъ стояло между мной и вами. Во мнѣ столько же отцовскаго, сколько и въ васъ, хотя—сознаюсь въ этомъ—вы, какъ явившійся на свѣтъ раньше, можете скорѣе пріобрѣсть уваженіе, на которое нашъ отецъ имѣлъ право.

Оливеръ. И ты смѣешь, мальчишка...

Орландо (*бросаясь на него*). Потише, потише, старшій братецъ! вы еще слишкомъ молоды для этого.

Оливеръ. Такъ ты хочешь поднять на меня руку, негодяй.

Орландо. Я не негодяй. Я самый младшій сынъ Роланда де-Буа. Онъ былъ мой отецъ, и трижды негодяй тотъ, кто говорить, что такой отецъ произвелъ на свѣтъ негодяя. Не будь ты мой братъ, я не отвѣль бы этой руки отъ твоего горла прежде, чѣмъ другая рука не вырвала бы твой языкъ за такія слова. Ты надругался надъ самимъ собою.

Адамъ. Любезные господа, успокойтесь. Памятью вашего отца умоляю, не ссорьтесь.

Оливеръ. Пусти меня, говорятъ тебѣ.

Орландо. Нѣть, не пущу, пока самъ не захочу этого. Вы выслушаете меня. Мой отецъ, въ своемъ завѣщаніи, поручилъ вамъ дать мнѣ хорошое воспитаніе—а вы воспитали меня какъ мужика, вы скрывали, отдаляли отъ меня всѣ качества

дворянина. Но духъ моего отца все болѣе и болѣе крѣпнетъ во мнѣ, и я не хочу дольше сносить это положеніе. Поэтому откройте мнѣ доступъ ко всѣмъ занятіямъ, приличнымъ дворянину, или отдайте мнѣ скучную часть, завѣщанную мнѣ отцомъ, съ нею я пойду искать счастья.

Оливеръ. Что же ты станешь дѣлать? Нищенствовать, когда истратишь эти деньги? Однако, довольно; ступайте отсюда—я не желаю, чтобъ вы долѣе надоѣдали мнѣ. Вы получите часть того, что желаете. Прошу вѣсть оставить меня.

Орландо. Я не стану требовать отъ васъ больше того, что нужно для моей пользы.

Оливеръ (*Адаму*). Ступай съ нимъ, старый песь!

Адамъ. Старый песь! Такъ вотъ моя награда! Впрочемъ, вы правы! я потерялъ всѣ зубы на службѣ вамъ. Упокой Господи душу моего старого господина! Онъ не сказалъ бы такого слова.

(*Адамъ и Орландо уходятъ*).

Оливеръ. А, такъ вотъ что! Ты хочешь перерости меня. Я вылечу тебя отъ этой болѣзни, а тысячи кронъ все-таки не дамъ. Эй, Деннисъ.

Входитъ Деннисъ.

Деннисъ. Вы изволили звать?

Оливеръ. Кажется, что Карлъ, борецъ герцога пріѣхалъ сюда, чтобъ поговорить со мною?

Деннисъ. Точно такъ, съ вашего позволенія; онъ здѣсь у дверей и проситъ разрешенія войти.

Оливеръ. Зови его. (*Денисъ уходитъ*). Это будетъ хорошее средство; а состязаніе въ борьбѣ назначено на завтра.

Входитъ Карлъ.

Карлъ. Доброго утра вашей милости!

Оливеръ. Добрый monsieur Карль, какія новѣйшія новости при новомъ дворѣ?

Карлъ. Никакихъ новостей при дворѣ, кроме старыхъ новостей: т. е. старый герцогъ изгнанъ своимъ младшимъ братомъ, новымъ герцогомъ; трое или четверо пре-данныхъ вельможъ отправились съ нимъ въ добровольное изгнаніе. Ихъ земли и доходы обогащаются новаго герцога, вслѣдствіе чего онъ и не препятствуетъ имъ странствовать.

Оливеръ. Не можете ли сказать мнѣ, изгнана ли Розалинда, дочь герцога, вмѣстѣ съ своимъ отцомъ?

Карлъ. О, нѣть! Дочь новаго герцога, ея кузина, такъ любить ее—потому что онъ воспитывались вмѣстѣ съ колыбели—что послѣдовала бы за нею въ изгнаніе, или умерла, если бы ихъ разлучили. Розалинда живетъ при дворѣ, и дядя любить ее не меныше, чѣмъ свою родную dochь; а онъ обѣ любятъ одна другую такъ, какъ никогда не любили другъ друга двѣ женщины.

Оливеръ. Гдѣ поселится старый герцогъ?

Карлъ. Говорятъ, что онъ ужевъ Арденскомъ лѣсу, вмѣстѣ съ нѣсколькими веселыми товарищами, и что самъ они живутъ, какъ Робинъ Гудъ англійскій. Говорятъ, что съ каждымъ днемъ къ нему прибываетъ много молодыхъ дворянъ и что они проводятъ время безмятежно, живя такъ, какъ жили когда то въ золотомъ вѣкѣ.

Оливеръ. Скажите, вы завтра будете бороться въ присутствіи нового герцога?

Карлъ. Непремѣнно, я и пришелъ сообщить вамъ нѣчто. Мнѣ тайно дали знать, чѣмъ вашъ младшій братъ, Орландо, намѣренъ завтра, переодѣтый, попытаться выйти противъ меня. Между тѣмъ, завтра я буду бороться для того, чтобы поддержать свою репутацію, и поэтому тотъ, кто уйдетъ изъ моихъ рукъ безъ нѣсколькихъ переломанныхъ членовъ, отдѣляется счастливо. Вашъ братъ очень молодъ и слабъ, и ради васъ мнѣ было бы крайне непріятно уложить его, а для спасенія своей чести я долженъ буду это сдѣлать, когда онъ придетъ. Вотъ оттого-то, изъ любви къ вамъ, я и пришелъ увѣдомить васъ о предстоящемъ, чтобы вы могли или отклонить его отъ этого намѣренія, или приготовиться какъ слѣдуетъ перенести несчастіе, которому онъ подвергаетъ себя; онъ самъ ищетъ его и это сдѣлается совершенно вопреки моему желанію.

Оливеръ. Карлъ, благодарю тебя за любовь ко мнѣ—и ты увидишь, что я отблагодарю тебя самымъ дружескимъ образомъ. Я самъ узналъ о намѣреніи моего брата и старался разными путями отклонить его отъ этого; но онъ непоколебимъ. Знаешь ли, Карлъ—это упрямѣйшій мальчикъ во Франціи, полный честолюбія и заистливый соперникъ всячаго человѣка съ достоинствами; онъ тайно и гнусно злоумышляетъ противъ меня, своего родного брата. Поэтому дѣйствуй по своему усмотрѣнію. Если ты свернешь ему шею, не больше буду огорченъ, чѣмъ если бы ты сломалъ ему палецъ. И я совѣтую тебѣ,

для твоей пользы, смотрѣть въ оба, потому что, если ты нанесешь ему только легкій вредъ или если онъ не одержитъ полной побѣды надъ тобою—онъ начнетъ дѣйствовать противъ тебя ядомъ, поймаешь тебя въ какую-нибудь мошенническую ловушку и не выпустить до тѣхъ поръ, пока не лишить жизни какимъ нибудь косвеннымъ или другимъ способомъ. Да, увѣряю тебя—говорю это почти со слезами—нѣть въ настоящее время на свѣтѣ человѣка, который былъ бы такъ гнусенъ душою, не смотря на свои юные годы. А вѣдь я еще говорю о немъ, какъ братъ; но начни я разбирать его передъ тобой во всей подробности, мнѣ пришлось бы краснѣть и плакать, а тебѣ блѣднѣть и изумляться.

Карлъ. Я очень радъ, что пришелъ сюда къ вамъ. Если онъ появится завтра—я съ нимъ раздѣлюсь какъ слѣдуетъ. Если послѣ этого онъ будетъ въ состояніи сдѣлать хоть одинъ шагъ безъ поддержки—я никогда больше не стану бороться на призѣ. Затѣмъ, Богъ да сохранитъ вашу милость!

Оливеръ. Прощай, добрый Карлъ! (Карлъ уходитъ). Теперь я подстрекну этого молодчика и надѣюсь, что увижу его конецъ, потому что моя душа, самъ не знаю почему, ненавидитъ его больше всего на свѣтѣ. А между тѣмъ, онъ кротокъ, учень, хотя ничему не учился, полонъ благородства, любимъ всѣми сословіями до безумія и дѣйствительно такъ пришелся по сердцу всѣмъ, и особенно моимъ людямъ, которые знаютъ его лучше, чѣмъ кто бы то ни было, что черезъ это они меня ставятъ почти ни во что. Но это продлится не долго. Этотъ атлетъ уладить все дѣло. Теперь мнѣ остается только поджечь мальчишку, и я сейчасъ же примусь за это. (Уходитъ).

СЦЕНА II.

Лужайка передъ домомъ герцога.

Входянятъ Розалинда и Целія.

Целія. Розалинда, милая кузина, прошу тебя—будь весела.

Розалинда. Милая Целія, я и то кажусь веселою сверхъ силы, а ты хочешь, чтобы я была еще веселѣе? Если ты не можешь научить меня, какъ забыть изгнаннаго отца, то нельзя требовать, чтобы я могла предаваться особому веселью.

Целія. Изъ этого я вижу, что ты не такою полною любовью любишь меня какъ я люблю тебя. Еслибы мой дядя, твой изгнанный отецъ, изгналъ твоего дядю, моего отца, но при этомъ ты осталась бы неразлучно со мною, я пріучила бы мою любовь смотрѣть на твоего отца, какъ на моего. Точно такъ же поступила бы и ты, если бы твоя привязанность ко мнѣ была такъ же искрена и испытана, какъ моя къ тебѣ.

Розалинда. Хорошо, я забуду свое положеніе и стану радоваться твоему.

Целія. Ты знаешь, что у моего отца нѣтъ дѣтей, кромѣ меня, да, по всей вѣроятности и не будетъ; нѣтъ сомнѣнія, что послѣ его смерти ты будешь его наследницей, потому что все то, что онъ взялъ у твоего отца силою, я отдамъ тебѣ по любви. Клянусь честью, отдамъ—и пусть я обращающусь въ чудовище, если нарушу эту клятву. Развеселись же, моя милая Роза, моя дорогая Роза!

Розалинда. Да, съ этой минуты, кузина, я буду весела, и стану выдумывать забавы. Какъ ты думаешь, напримѣръ, о томъ, чтобы влюбиться ради забавы?

Целія. Отлично! пожалуйста сдѣлай изъ любви забаву, но не влюбляйся ни въ кого серьезно, да и шутку доводи только до той степени, чтобы имѣть возможность выйти изъ нея съ честью, сохранивъ ненарушимъ румянецъ невинности.

Розалинда. Чѣмъ же мы станемъ забавляться?

Целія. Сѣдемъ и насмѣшками гонимъ почтенную матушку-фортуну съ ея колеса, для того, чтобы впередъ она раздавала свои дары поровну

Розалинда. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ мы могли сдѣлать это, потому что ея благодѣянія распредѣлены крайне неправильно; особенно ошибается добрая слѣпая женщина при раздачѣ своихъ даровъ женщинамъ.

Целія. Это правда: тѣ которыхъ она дѣлаетъ красивыми, рѣдко получаютъ отъ нея лбодѣтель, а тѣ, которыхъ она дѣлаетъ добродѣтельными, выходятъ изъ ея рукъ очень некрасивыми.

Розалинда. Нѣтъ, говоря это, ты уже переходишь изъ области фортуны въ область природы: фортуна-владычица свѣтскихъ даровъ, но не очертаний, производимыхъ природою.

Входитъ Оселокъ.

Целія. Будто? Развѣ, когда природа производить красивое созданье, фортуна не

можетъ бросить его въ огоны?—Если природа дала намъ остроуміе для того, чтобы насмѣхаться надъ фортуной, то развѣ фортуна не прислала сюда этого шута, чтобы прекратить нашъ разговоръ?

Розалинда. Дѣйствительно, фортуна слишкомъ жестоко обращается съ природой, подрѣзывающая натуральной глупостью натуральный умъ.

Целія. Можетъ быть, это сдѣлала не фортуна, а природа, которая замѣтивъ, что наши натуральные умы слишкомъ тупы для того, чтобы разсуждать о такихъ богиняхъ, послала сюда этого дурачка въ видѣ оселка для насъ, потому что всегда тупость дурака служить оселкомъ для умнаго. Ну, умный человѣкъ, куда направляешься ты?

Оселокъ. Сударыня, вѣсъ требуетъ къ себѣ вашъ отецъ.

Целія. А тебя сдѣлали посланникомъ?

Оселокъ. Нѣтъ, клянусь честью, но мнѣ приказали сходить за вами.

Розалинда. Гдѣ ты выучился этой клятвѣ, шутъ?

Оселокъ. У одного рыцаря, который клялся своей честью, что пирожки были хороши и клялся своей честью, что горчица никуда не годилась. Я же утверждаю, что пирожки никуда не годились, а горчица была хороша. Тѣмъ не менѣе рыцарь не давалъ ложной клятвы.

Целія. Какъ докажешь ты это съ твоимъ большимъ запасомъ учености?

Розалинда. Да, да, сними-ка намордникъ съ твоей мудрости.

Оселокъ. Ну, выступите обѣ впередъ, погладьте свои подбородки и поклянитесь вашими бородами, что я плутъ.

Целія. Клянемся нашими бородами, если-бы онѣ у насъ были, что ты плутъ.

Оселокъ. Клянусь моимъ плутовствомъ, если-бы оно у меня было, я быль-бы плутъ. Но когда вы клянетесь тѣмъ, чего нѣтъ, то не даете ложной клятвы; точно также не клялся можно рыцарь, когда клялся своею честью, ибо ея у него не было, или, если онъ и имѣлъ ее, то уничтожилъ клятвами задолго до того, какъ увидѣлъ эти пирожки и эту горчицу.

Целія. На кого ты это намекаешь, скажи пожалуйста?

Оселокъ. На человѣка, котораго любилъ старый Фридрихъ, вашъ отецъ.

Целія. Любовь моего отца достаточна для того, чтобы этого человѣка уважали. Довольно; не говори больше о немъ. На этихъ дняхъ тебя высѣкутъ за злословіе.

Оселокъ. Тѣмъ хуже, что дураки не имѣютъ права говорить умно о глупостяхъ, которыхъ дѣлаютъ умные люди.

Целія. Честное слово, ты говоришь правду: съ тѣхъ поръ какъ ту капельку ума, которую имѣютъ дураки, заставили молчать, та капелька глупости, которую имѣютъ умные люди, торжественно выставляетъ себя на показъ. Сюда идетъ Ле-Бо.

Входитъ Ле-Бо.

Розалинда. Съ полнымъ ртомъ новостей.

Целія. Которыми онъ обсыпетъ насъ, какъ голуби, когда они кормятъ своихъ птенцовъ.

Розалинда. Значитъ, мы будемъ напичкены новостями.

Целія. Тѣмъ лучше—мы отъ этого только выиграемъ. Bonjour, monsieur Ле-Бо! Что новаго?

Ле-бо. Прекрасная принцесса, вы упустили одно отличное увеселеніе.

Целія. Увеселеніе? Какого цвѣта?

Ле-бо. Какого цвѣта? Какъ прикажете мнѣ отвѣтчать на это?

Розалинда. Какъ подскажутъ вамъ умъ и случай.

Оселокъ. Или какъ велить рокъ.

Целія. Хорошо сказано: фраза точно изъ камня высѣчена.

Оселокъ. О, если мое остроуміе когда-нибудь истощится...

Розалинда. Тогда ты потеряешь свой прежній запахъ.

Ле-бо. Вы смущаете меня, сударыни. Мнѣ хотѣлось разсказать вамъ о хорошей борьбѣ, которую вамъ не удалось видѣть.

Розалинда. Ну, что-жъ—разскажите, какъ происходила эта борьба?

Ле-бо. Я разскажу вамъ начало, и если вашимъ свѣтлостямъ будетъ угодно, вы можете увидѣть конецъ, потому что самое-то лучшее еще осталось сдѣлать, и дѣлать его придутъ сюда, на это самое мѣсто, гдѣ вы находитесь.

Целія. Хорошо, послушаемъ это начало, которое уже умерло и похоронено.

Ле-бо. Вотъ идетъ старикъ съ тремя своими сыновьями...

Целія. Я могла бы придѣлать это начало къ какой-нибудь старой сказкѣ.

Ле-бо. Тремя прекрасными молодыми людьми, отличного роста и красоты...

Розалинда. Съ такими записочками на шеѣ: „Да, будетъ изъ сихъ записокъ вѣдомо всѣмъ и каждому...“

Ле-бо. Старшій изъ троихъ боролся съ

Карломъ, борцомъ герцога, и этотъ Карлъ опрокинулъ его въ одно мгновеніе и сломалъ ему три ребра, такъ что нѣтъ почти надежды спасти его; точно такъ же онъ поступилъ со вторымъ, и точно также съ третьимъ. Тамъ лежать они; бѣдный старикъ, ихъ отецъ, такъ горестно стонетъ надъ ними, что всѣ зрители сочувствуютъ ему слезами.

Розалинда. Ахъ, Боже мой!

Оселокъ. Какое же это, сударь, увеселеніе, упущенное принцессами?

Ле-бо. Какъ какое? Да то, о которомъ я рассказываю.

Оселокъ. Видно, люди съ каждымъ днемъ становятся умнѣе! Въ первый разъ въ жизни я слышу, что переламываніе реберъ составляетъ увеселеніе для женщинъ.

Целія. Я тоже—увѣряю тебя.

Розалинда. Но развѣ остался еще кто-нибудь, желающій слышать въ своихъ ребрахъ эту музыку переламыванія? Есть еще охотники до разбитыхъ реберъ? Такъ намъ придется присутствовать при этой борьбѣ, кузенъ?

Ле-бо. Пріайдется, если вы останетесь здѣсь, потому что именно это мѣсто назначено для борьбы, и она сейчасъ начнется.

Целія. Да, дѣйствительно, они идутъ. Что-жъ, останемся и посмотримъ.

Трубы. *Входятъ герцогъ Фридрихъ, вельможи, Орландо, Карль и сонта.*

Фридрихъ. Начинайте. Такъ какъ этотъ юноша не слушаетъ никакихъ увѣщаній, пусть рискуетъ на свой собственный страхъ.

Розалинда. Это онъ?

Ле-бо. Точно такъ.

Целія. Увы, онъ слишкомъ молодъ; но въ лицѣ его побѣдоносное выраженіе.

Фридрихъ. И вы здѣсь, дочь и племянница? Вы прокрались сюда, чтобы посмотреть на борьбу?

Розалинда. Точно такъ, государь, если вы намъ позволите.

Фридрихъ. Могу вамъ сказать, что это зрешище доставить вамъ мало удовольствія: силы этихъ людей неравны. Изъ состраданія къ молодости человѣка, вызвавшаго на бой, я хотѣлъ отговорить его, но онъ ничего не слушаетъ. Поговорите-ка вы съ нимъ; попытайтесь, не уговорите ли вы его?

Целія. Добрый Ле-бо, позовите его сюда.

Фридрихъ. Да, позовите; я отойду въ сторону.

Ле-бо. Господинъ состязатель, принцессы зовутъ васъ.